РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ СЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.)

1901.

НОЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ДАВНО МИНУВШЕЕ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДѢТСТВА.

III *).

На старомъ фундаментѣ.

Моя баба *все* понимала! Я въ этомъ убѣждена; она даже понимала мои попытки сочинительства, иначе я не могу объяснить себѣ, почему она мнѣ разказала по-своему о Преподобномъ Романѣ Сладкопѣвцѣ въ отвѣтъ на то что я ей сообщала подъ большимъ секретомъ какъ мнѣ хочется „писать исторіи". Мнѣ тогда было, вѣроятно, около шести лѣтъ, я уже выучилась читать и писала *печатными* буквами. Мнѣ подарили переплетенную тетрадку, и я немедленно на первой же страницѣ начертала печатными буквами такое заглавіе: „Ребенокъ умершій отъ горя въ горахъ Альпійскихъ", но далѣе мое сочинительство не пошло въ этотъ разъ. Тетрадку свою я тщательно прятала ото всѣхъ и, какъ только могла, все думала о своемъ „романѣ", какъ я величала свое твореніе. Когда баба пришла, я ей сообщила что начала писать одну исторію и никакъ не могу кончить (мнѣ казалось что главное написано, такъ какъ заглавіе готово!)

— Мнѣ хочется, баба, написать такую исторію чтобы злые люди, когда прочитаютъ, сдѣлались бы сейчасъ добрыми, сообщала я ей свое скромное намѣреніе,—знаешь, баба, совсѣмъ что-нибудь святое!

Баба серіозно смотрѣла на меня и одобрительно кивала головой.

---

*) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, октябрь, 1901 г.

— Чтò жь, душенька, Господь *басловитъ*, такъ напишете, выростете большія.

— А теперь нельзя?

— А можетъ и теперь можно, душенька. Все въ Божьей волѣ!

— Ты мнѣ разкажи что-нибудь, а я напишу! Вотъ будетъ хорошо!

Я увела бабу въ свой любимый уголокъ нашего большаго сада въ Покровскомъ; тамъ, немного поодаль отъ старыхъ, прямыхъ дорожекъ обсаженныхъ столѣтними липами было мѣсто совсѣмъ заглохшее, все изрытое глубокими ямами, на которомъ росли кое-гдѣ березы совсѣмъ изогнутыя, корявыя, но особенно живописныя, молодой осинникъ и во множествѣ черемуха, рябина и орѣшникъ; здѣсь въ прежнее время стоялъ каменный домъ моей бабушки; домъ этотъ сгорѣлъ дотла, а новый, тотъ самый въ которомъ мы жили, выстроенъ былъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, на томъ концѣ сада. „Старый фундаментъ", какъ мы всѣ называли бабушкино пепелище, былъ раскопанъ во всѣхъ направленіяхъ, потому что, по преданію, въ немъ былъ зарытъ кладъ, но клада не нашли, а нашли только нѣсколько штучекъ стариннаго хорошаго фарфора, вѣроятно, во время пожара какъ-нибудь попавшаго туда. Я любила „старый фундаментъ" больше всего сада, такъ хорошо можно было спрятаться тамъ въ одной изъ ямъ, сидѣть въ тѣни на одномъ изъ кирпичныхъ раскрошившихся уступовъ, заросшихъ травой и мхомъ! Надъ головой шелестѣли такъ ласково березы и осины, въ кустахъ черемухи и орѣшника особенно весело пѣли зяблики и иволга, въ этомъ заброшенномъ уголку никто мнѣ не мѣшалъ, сюда никогда никто не заходилъ; да, здѣсь можно было спрятаться такъ что и не разыщутъ! Я всегда няню тянула сюда, но она не любила „стараго фундамента".

— Ну, чтò, голубчикъ мой, ноги тамъ ломать по каменьямъ и буграмъ! Чего хорошаго? Тò ли дѣло по гладкой-то дорожкѣ! Смотри какъ славно бѣгать можно!

Но если я гуляла съ бабой, чтò случалось очень рѣдко, или съ кѣмъ-либо другимъ, то я всегда старалась затащить въ свой любимый уголокъ. Мы усѣлись съ Афросиньей половчѣе подъ старою березой, толстые корни которой совсѣмъ обнаженные торчали изъ каменистаго бугра корявыми изгибами.

— Вѣдь какъ здѣсь хорошо, баба! восхищалась я, — просто чудо! Ну, разказывай!

Афросинья засмѣялась своимъ тихимъ, милымъ смѣхомъ.

— Сроду я, душенька, ничего не разказывала, сказала она,—да и не знаю ничего! Грамотѣ я не училась, не привелъ Господь.

Но я къ ней пристала; мнѣ казалось что она знаетъ что-то и хочетъ разказать, только не рѣшается, такъ и вышло! Баба помолчала пристально глядя куда-то въ сторону и старательно отковыривая пальцемъ сухую кору съ корня березы.

— Какъ сумѣю, душенька, такъ и разкажу, извинилась она и разказала мнѣ *по-своему* чудный разказъ о Романѣ прозванномъ Сладкопѣвцемъ; какъ онъ былъ пономаремъ въ богатомъ соборѣ и былъ „картавый и заика", такъ баба разказывала, и надъ нимъ весь причтъ смѣялся и все заставлялъ его нарочно читать и пѣть, а онъ не могъ и очень этимъ огорчался. И какъ одинъ разъ они ужь черезчуръ „доняли" его, такъ что ему „мочи не стало", и вотъ, когда служба отошла, изъ церкви ушли всѣ причетники, Романъ остался одинъ „свѣчки гасить" передъ образами, и сталъ передъ Божіей Матерію на колѣна, „да какъ зальется слезами!"

— Ужь очень обидно ему было! съ воодушевленіемъ разказывала Афросинья.—Душа въ *ёмъ* горитъ, а языкъ не ворочается! Царица Небесная! Матушка Пресвѣтлая! говоритъ, оборони Ты меня отъ ихнихъ насмѣшекъ, не дай Ты меня въ обиду! И до-олго онъ все молился, а самъ все плачетъ! Долго плакалъ, замучился, и не зналъ какъ заснулъ тутъ же, въ церкви передъ иконой. И что̀ жь ему приснилось? Видитъ онъ, словно наяву, отдѣлилась Матерь Божія отъ иконы, будто сходитъ къ нему, вся хорошая такая! Свѣтлая, свѣтлая какъ солнышко! И подаетъ, будто, ему сверточекъ, этакій махонькій, бумажки и говоритъ: „скушай, Романе, эту бумажку и не плачь!" Онъ взялъ изъ Ея ручки бумажку и съѣлъ, такъ сла-адка бумажка была, будто какъ сахаръ, и стало ему легко на сердцѣ, весело таково! Ужь очень онъ обрадовался! А на другой день какъ разъ Рождество Христово было. Вотъ какъ опять заблаговѣстили къ службѣ въ церкву, собрались всѣ дьячки, дьякона, и опять за старое: смѣются надъ Романомъ пуще прежняго, что̀ хошь дѣлай! Онъ ничего не говоритъ, молчитъ себѣ, потомъ какъ время пришло, самъ старшій изъ нихъ приказываетъ ему: „становись", говоритъ, „среди церкви и пой тропарь празднику!" а самъ думаетъ: вотъ-такъ мы посмѣемся! Ну, и что̀ жь бы вы думали, душенька! Выходитъ Романъ на самую середину церкви и вдругъ какъ

запоетъ!! Да совсѣмъ новую пѣснь запѣлъ, кою никто еще допрежь его не пѣлъ: „Дѣва днесь Пресущественнаго рождаетъ!“ Да сладко такъ запѣлъ, громко! Всѣ такъ раскрывши рты и стоятъ не наслушаются его, и священники всѣ изъ алтаря выглядываютъ, и на крылосахъ дьячки слушаютъ, головой качаютъ и плачутъ! Потомъ какъ онъ допѣлъ, они всѣ на колѣнки передъ нимъ: „Прости“, говорятъ, „насъ ради Христа, человѣкъ Божій! Николи мы тебя больше мучить не будемъ! Прости насъ и у Бога намъ вымоли прощеніе!“ Съ эстихъ поръ много онъ церковныхъ пѣсней новыхъ сталъ пѣть, ихъ и сейчасъ поютъ вездѣ по церквамъ въ праздники, и память его, святаго Романа, бываетъ въ самый Покровъ Пресвятой Богородицы, кончила моя баба.

Я слушала ее едва переводя духъ, мнѣ казалось что я еще никогда въ жизни ничего такого чуднаго не слыхала! Я совсѣмъ забыла гдѣ я, забыла кто разказываетъ, я вся была тамъ, съ Романомъ, въ той церкви; съ нимъ переживала всѣ его муки, стыдъ насмѣшекъ и всю радость, чувствовала его восторгъ и вдохновеніе, у меня сжимало горло и хотѣлось заплакать.

Я терпѣть не могла показывать свои чувства; чѣмъ глубже и сильнѣе они были, тѣмъ старательнѣе я ихъ скрывала, усиливаясь казаться не только равнодушной, но даже жесткой. Когда позднѣе моя старушка-гувернантка читала мнѣ трогательную исторію вслухъ (она любила нѣсколько сентиментальные разказы) и при этомъ голосъ ея дрожалъ и глаза наполнялись слезами, я сейчасъ же сползала со стула подъ столъ, подъ тѣмъ предлогомъ что уронила наперстокъ или иголку, и тамъ, изъ-подъ стола, грозила ей снизу кулакомъ и шептала сквозь зубы: „противная! противная!“ А бѣдную старушку, между тѣмъ, я нѣжно любила.

Сестра Маша учила меня Закону Божію и если она говорила что-нибудь трогательное, то у меня немедленно являлось желаніе ее побить. Я вообще какъ-то стыдилась своихъ чувствъ, но „бабы“ я не стыдилась, исключительно ея! Она одна, казалось мнѣ, *все* понимала что̀ я думала и чувствовала и выразить не умѣла!

Никогда больше ничего Афросинья мнѣ не разказывала, не смотря на всѣ мои упрашиванія; она говорила что ничего не знаетъ. Поэтому, вѣроятно, этотъ разказъ и вся какая-то исключительная обстановка этого утра запечатлѣлись особенно ясно и неизгладимо въ моей памяти.

— А если я буду молиться Богу, спросила я,—и я могу сочинять?

— Твори Богъ волю Свою, душенька! отвѣтила мнѣ баба своими любимыми словами.

Да, она *все* понимала, но одинъ разъ, одинъ только разъ я была глубоко смущена: *она не поняла!* Вотъ какъ это было.

Я давно уже просила, умоляла, приставала чтобы меня свезли къ бабѣ въ Радумлю (такъ ея деревня звалась). И вотъ одинъ разъ, къ великой моей радости, мы съ маменькой поѣхали туда въ коляскѣ вдвоемъ, мнѣ тогда уже было лѣтъ семь, вѣроятно, а, можетъ-быть, и больше.

Весело было ѣхать такъ далеко въ коляскѣ, главное, сидя, „какъ большая", рядомъ съ маменькой, а не на скамеечкѣ задомъ къ козламъ, и весело, конечно, было ѣхать именно въ Радумлю! Но тамъ оказалось для меня горькое разочарованіе: тѣсная изба была отъ мѣди и мѣдной работы чрезвычайно грязна, въ ней было душно и чадно; Афросиньинъ мужъ, котораго я и такъ всегда побаивалась, маленькій, горбатый, съ взъерошенными, зеленовато-сѣдыми волосами и бородой, какъ-то страшно осклабившись безпрестанно лѣзъ прося поцѣловать ручку, такъ что баба его отгоняла отъ меня, и сама баба мнѣ показалась „дома" совсѣмъ другая! Она суетилась въ хлопотахъ чтобы намъ „собрать" чай на столъ (мы пріѣхали неожиданно), волновалась, извиняясь что изба не прибрана и что нечѣмъ насъ угостить. Я все смотрѣла на ея раскраснѣвшееся отъ хлопотъ лицо, на ея голову туго повязанную по-домашнему ситцевымъ сборникомъ который оставлялъ шею голою; я привыкла видѣть Афросинью всегда въ большомъ платкѣ, мнѣ хотѣлось узнать „мою бабу" которую я любила съ такимъ восторгомъ, тихую, величавую, и почти не узнавала ея въ этой суетливой деревенской бабѣ. Меня смущали и десятки лицъ дѣтскихъ и даже взрослыхъ которыя плотно прижались снаружи къ стекламъ окошекъ и съ жаднымъ любопытствомъ засматривали въ избу.

— Да отогналъ бы ты ихъ, паршивцевъ! сказала Афросинья мужу (я это слово услыхала въ первый разъ!)

Вдобавокъ баба пошепталась со своимъ старикомъ, когда мы собирались ѣхать домой, и торжественно, какъ будто вручаетъ мнѣ что-нибудь драгоцѣнное, подарила мнѣ, какъ она сама назвала, „франта" сдѣланнаго изъ бѣлаго пряника и въ нѣсколькихъ мѣстахъ позолоченаго сусальнымъ золотомъ. Этого „франта" Форафонычъ привезъ изъ Москвы своимъ дѣтямъ,

его прислалъ имъ купецъ куда онъ ставитъ мѣдный товаръ, но такъ какъ мнѣ нечего было подарить, рѣшено было пожертвовать „дѣтскую забаву“ и поднести мнѣ пряничнаго франта. Этотъ подарокъ меня смутилъ донельзя! Смутило, главное, хотя я не поняла этого, то обстоятельство что первый разъ въ жизни баба *не поняла* что пряничный „франтъ“ и не по годамъ мнѣ, и не можетъ вообще представлять для меня никакого интереса! Мнѣ было что-то глубоко обидно, я сама не знала что̀ именно. Я еще не доросла до пониманія что „не подарокъ дорогъ, дорога любовь“.

Уѣзжая изъ Радумли я была совсѣмъ въ другомъ настроеніи чѣмъ когда ѣхала туда. Вся моя радость пропала! Точно я что-то потеряла! Я молча слѣдила глазами за быстро мелькавшими мимо насъ кучками камня сложенными по краю шосе и какъ-то болѣзненно думала все одно и то же, что больше никогда не буду болѣе проситься въ Радумлю. О бабѣ я всячески избѣгала думать, воспоминаніе о ней было мучительно!.. Однако, къ великому моему счастію, когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя Афросинья пришла ко мнѣ, то тяжелое впечатлѣніе изгладилось, да и она сама была та же прежняя, хорошая, я нашла снова свою милую, несравненную бабу!

IV.

Филиппушка.

Наша Покровская церковь очень старинная, она ровесница липовымъ алеямъ, ей почти полтораста лѣтъ, а можетъ-быть, и гораздо прежде того стояла на этомъ же мѣстѣ другая церковь? Теперешняя, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, судя по ея архитектурѣ относится ко времени знаменитаго Растрелли. Церковь двухэтажная, высокая; нижній этажъ занятъ зимнимъ храмомъ подъ гладкими масивными сводами; лѣтняя наверху, свѣтлая, очень высокая, кончается высокимъ куполомъ. Надъ входомъ чудно построенная колокольня, легкая, вся стремится въ высоту, поддержана на четырехъ углахъ тонкими, высокими колоннами. Въ верхнемъ этажѣ подъ колокольней маленькая, крохотная церковка во имя Николая Чудотворца, удивительная по своей старинѣ и оригинальности. Несомнѣнно, обѣ большія церкви много разъ были обновлены и не мало изуродованы стараніемъ усердныхъ не въ мѣру церковныхъ

старость и невѣжественныхъ подрядчиковъ, одна только крошечная церковь Николая Чудотворца осталась нетронутой. Въ ней рѣдко служатъ; она такая маленькая что когда въ ней стоятъ десять человѣкъ, то уже служащимъ тѣсно. Ни солеи, ни амвона, ни клиросовъ нѣтъ; старинный, окрашенный въ голубой цвѣтъ, деревянный иконостасъ стоитъ прямо на полу весь выцвѣтшій и полинялый, облѣзлые карнизы, когда-то позолоченные, потеряли всякое воспоминаніе о позолотѣ и остались красными; совсѣмъ старая живопись иконъ (онѣ всѣ безъ ризъ) въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ почернѣла, лики едва можно разобрать. Въ церкви служатъ всегда въ „вешняго Миколу“, какъ говорятъ (девятаго мая ея храмовой праздникъ), да еще изрѣдка въ случаѣ ремонта большихъ церквей. Девятаго мая народа бывало набиралось очень много, и почти всѣ стояли на широкой площадкѣ лѣстницы за дверями самой церкви, а наша семья и только нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ купеческихъ семействъ составлявшихъ аристократію прихода стояли въ большой свѣтлой ризницѣ, два окна которой выходили въ „Никольскую церковь съ боку“. Иногда маменька заказывала лѣтомъ всенощную въ маленькой церкви, и одна изъ такихъ службъ, не знаю почему, особенно ясно со всѣми подробностями хранится въ моемъ воспоминаніи. Въ церкви стояла только одна наша семья, я съ любопытствомъ смотрѣла на всю эту совершенно незнакомую для меня обстановку, вслушивалась въ торжественныя новыя для меня слова всенощной и какъ-то вся проникалась особеннымъ чувствомъ умиленія. Мнѣ шелъ тогда уже седьмой годъ, вѣроятно. Церковь вся залита заходящимъ солнцемъ, въ воздухѣ никакого движенія, ни одинъ листочекъ на деревьяхъ не шевелится; бѣлыя, легкія какъ пухъ облака высоко, высоко въ темноголубомъ небѣ тоже стоятъ неподвижно, только какъ будто уходя куда-то въ глубь неба, въ высоту, потихоньку таютъ, исчезаютъ. Въ нашей маленькой церкви тихо, торжественно, служба еще не началась. Изъ низенькаго алтаря пахнетъ ладономъ, мимо отворенныхъ настежь оконъ съ масивными чугунными рѣшетками поминутно проносятся стрижи, и ихъ громкій свистъ какъ-то смѣло, даже дерзко врывается въ нашу торжественную тишину. Пожилой священникъ, крупный, какъ будто топоромъ высѣченный изъ цѣлаго обрубка дерева, съ густыми темными съ просѣдью волосами и бородой, громко вздыхаетъ въ алтарѣ, шурша стариннымъ тяжелымъ облаченіемъ и не шепотомъ, а голосомъ даетъ короткія

приказанія дьячкамъ и старому совершенно лысому дьякону. Они оба служатъ неохотно въ маленькой церкви, оба высоки ростомъ и крупны и обоимъ приходится низко наклонять голову проходя въ узенькія, низкія двери иконостаса; оба любятъ благолѣпіе въ службѣ, а здѣсь оно невозможно... Въ окно вмѣстѣ со свистомъ стрижей врывается и теплый вечерній воздухъ полный запаха скошенной передъ церковью травы и смѣшивается съ клубами дыма отъ ладона. Я вдругъ вспоминаю что въ то утро буфетчикъ Михаилъ Васильевъ пришелъ сказать маменькѣ что садовникъ Алферъ, который давно былъ боленъ и которому посылали бульона два раза въ день, „приказалъ долго жить". Я слышала это выраженіе въ первый разъ. Няня мнѣ сказала что Алферъ умеръ. Въ моей головѣ сложилось такое понятіе что человѣкъ умирая имѣетъ власть приказать кому-нибудь долго жить кому захочетъ, и что, вѣроятно, Алферъ передалъ этотъ даръ долгой жизни маменькѣ за ея къ нему доброту. Нѣчто въ родѣ плаща пророка Иліи сброшеннаго Елисею съ колесницы. Теперь съ размягченнымъ сердцемъ я съ особеннымъ умиленіемъ вспоминаю объ Алферѣ и объ этой удивительной власти данной Богомъ умирающимъ!

Огромный дьяконъ согнувшись появляется налѣво изъ сѣверныхъ дверей, кланяется маменькѣ, становится передъ царскими дверьми и не спѣша три раза крестится широко размахивая надѣтымъ на палецъ ораремъ громко шепча слова молитвы.

„Возстаните! Господи благослови!" звучитъ его густой басъ извѣстный во всемъ уѣздѣ, теперь сдерживаемый ради тѣсноты церкви, и всетаки кажется какъ будто она сразу наполнилась вся. У самой входной двери въ уголку стоитъ няня, набожно сложивъ руки, ладонь въ ладонь, въ своемъ бѣломъ чепчикѣ и темномъ ситцевомъ платьѣ съ длинной пелеринкой. Я смотрю на нее и думаю что няня идя въ церковь и надѣвая чистый чепчикъ надѣваетъ вмѣстѣ и особое выраженіе „церковное", какъ я называю, на свое морщинистое, милое старое лицо; это у нея дѣлается безсознательно, но немедленно, какъ только она становится на молитву, голова нѣсколько склоняется на бокъ, лицо выражаетъ какое-то жалостливое умиленіе и жалкую скорбь. Я находила что няня „вкусно молится" и подолгу изучала ее, когда была еще совсѣмъ маленькая, не моргая глядя въ ея измѣнившееся лицо, и потомъ старательно такъ же какъ она мягко, медленно крестилась и

тихонько низко кланялась. Теперь я сама попрекаю себя что занялась няней и поскорѣе стараюсь вслушаться въ слова всенощной.

„Блаженъ мужъ иже не идѣ на совѣтъ нечестивыхъ. Аллилуія!“ Старый заика пономарь и дьячекъ дрожащимъ голосомъ старательно выводятъ торжественный напѣвъ чуднаго псалма; ихъ плохіе надтреснутые голоса вдругъ совершенно покрываются могучимъ басомъ дьякона помогающаго имъ въ свободныя минуты.

„Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ. Аллилуія!“

Какъ хорошо мнѣ! Такъ мнѣ кажется чудно „работать Господу со страхомъ“ и „радоваться Ему съ трепетомъ!“ Мнѣ скоро надо будетъ говѣть въ первый разъ, я начну совсѣмъ новую жизнь и буду „работать Господу“, размышляю я съ чувствомъ особенной радости и готовности. Дивно сочетаніе въ эту минуту торжественной, не смотря на тѣсноту церкви, службы съ этимъ чуднымъ, тихимъ лѣтнимъ вечеромъ который вонъ тамъ во всей своей красотѣ царитъ за окномъ! Какъ хорошо что жизнь здѣсь на землѣ, какъ мнѣ кажется, долгая, свѣтлая! Такъ можно много успѣть насладиться, нарадоваться! А если сдѣлать добро кому-нибудь и онъ умирая „прикажетъ долго жить“, то вѣдь еще лучше! Я чувствую уже, отъ умиленія что Богомъ все такъ хорошо на свѣтѣ „устроено“, какъ мнѣ сжимаетъ горло и хочется заплакать... А стрижи, кажется, еще громче, совсѣмъ дерзко бросаютъ въ окно свой рѣзкій веселый свистъ описывая круги кругомъ старой колокольни, и прямо-таки на секунду своимъ свистомъ почти заглушая службу. Никогда не было да и не будетъ, кажется, такого хорошаго вечера!..

Вдругъ въ дверяхъ церкви появилась очень странная личность которой я передъ тѣмъ никогда не видывала! Я сначала не поняла мущина ли то или женщина, но потомъ всмотрѣвшись замѣтила жиденькую темную бородку и убѣдилась что стоялъ мущина. Онъ былъ низенькаго роста и къ тому же еще какъ-то странно согнулся, точно его тянула впередъ и книзу какая-то тяжесть; онъ былъ босой и безъ шапки, голова была подвязана узко сложеннымъ желтымъ ситцевымъ платкомъ, съ узломъ подъ подбородкомъ; волосы, жиденькіе, безпорядочными космами спускались до плечъ; на немъ надѣтъ былъ длинный точно юбка черный, порыжѣлый, совсѣмъ изношенный, въ лохмотьяхъ, кафтанъ монашескаго

покроя, оборванный. Подпоясанъ онъ былъ веревкой; въ рукахъ у него была длинная палка которую онъ тотчасъ же поставилъ въ уголъ. Потомъ тутъ же въ дверяхъ онъ медленно опустился на колѣна, сложилъ руки (онѣ мнѣ показались очень худыми и странно блѣдными), поднялъ глаза кверху и весь замеръ въ этомъ положенiи. Лицо его озарилось странной какъ будто дѣтской улыбкой, оно стало почти красиво, широко раскрытые, кроткiе, блѣдно-голубые глаза устремленные кверху точно видѣли что-то, губы слегка шевелились. Онъ стоялъ такъ, не двигаясь, до самаго конца службы. Я не могла оторвать взгляда отъ этого никогда невиданнаго мною лица. Было ясно что этотъ человѣкъ совершенно не чувствовалъ гдѣ онъ и никого не замѣчалъ. Я потянула маменьку за рукавъ, и когда она наклонилась ко мнѣ, я спросила шепотомъ кто это?

— Филиппушка, отвѣчала маменька.

— А кто онъ?

— Онъ блаженный, сказала маменька.

— Что̀ это блаженный? съ возрастающимъ любопытствомъ спросила я.

— Послѣ всенощной скажу, а теперь стой смирно.

Но я не дождалась чтобы маменька мнѣ объяснила что̀ значитъ „блаженный“; ей въ тотъ вечеръ было некогда. Кто-то неожиданно прiѣхалъ изъ Москвы, и она занялась гостями. Я тотчасъ же придя домой обратилась къ нянѣ съ разспросами.

— Кто Филиппушка?

Объясненiя няни повергли меня въ еще большее изумленiе. Она мнѣ сказала что Филиппушка святой человѣкъ, что на немъ надѣты тяжелыя вериги и что желѣзные кресты и цѣпи впились ему въ тѣло.

— Для чего же онъ это дѣлаетъ?

— Тѣло свое смиряетъ чтобы душу спасти.

— А развѣ всѣ такъ должны дѣлать? спросила я.

— Это, голубчикъ, кресты-то желѣзные носить?

— Нѣтъ, няня... да... тѣло смирять, едва припомнила я ея выраженiе.

Но няня какъ всегда не могла дать обстоятельнаго отвѣта на мое возбужденное любопытство; она отвѣтила уклончиво:

— Мы всѣ грѣшны, ангелъ мой, всѣ передъ Господомъ тяжело грѣшны!

И на дальнѣйшiе мои разспросы:

— Вотъ выростите, голубушка, сами поймете.

Я замолчала, но конечно не успокоилась. Въ тотъ вечеръ я долго не могла заснуть: странный видъ Филиппушки съ его удивительно-крѣпкимъ, просвѣтленнымъ взглядомъ, и не полное объясненіе няни, таинственный, „коробившій“ меня разказъ о надѣтыхъ на немъ и впившихся въ тѣло цѣпяхъ и крестахъ не давали мнѣ покоя; потомъ я вспомнила о смерти Алфера котораго я знала такъ хорошо; и это было такъ таинственно тоже! Все непонятно, все страшно! Кто объяснитъ мнѣ все это? У маменьки и сестеръ не стòитъ спрашивать (да странно что мнѣ и не приходило въ голову ихъ спрашивать, вѣроятно, изъ опасенія услыхать ненавистныя слова: „Поймешь когда будешь большая“. А мнѣ казалось что я все могу понять, еслибы онѣ захотѣли объяснить!) Я даже во снѣ видѣла Филиппушку и на другое утро не переставала думать о немъ, о его цѣпяхъ и о томъ чтò значитъ: „смирять тѣло свое“. Въ особенности я не могла понять какъ же можно и зачѣмъ дѣлать самому себѣ такъ больно? Наконецъ, вечеромъ я тихонько отъ няни помолилась Богу чтобы пришла моя кормилица, у ней одной можно было спросить объясненіе всему этому. И вотъ удивленіе! Не прошло и двухъ дней какъ моя баба явилась! А вѣдь она приходила очень рѣдко и только къ извѣстнымъ днямъ. Увѣренность въ томъ что ее послалъ ко мнѣ Богъ именно по моей молитвѣ наполнила мою, уже безъ того какъ-то восторженно настроенную, душу чувствомъ глубокой благодарности къ Богу. Я какъ будто осязательно почувствовала близость Божію и Его доступность для нашихъ молитвъ.

Когда Афросинья приходила, няня обыкновенно пользовалась этимъ рѣдкимъ случаемъ чтобы пойти посидѣть къ мужу во флигель; вѣдь ей бѣдной такъ рѣдко приходилось чувствовать себя на минутку свободной. День и ночь не отходила она отъ дѣтей трехъ поколѣній! Я только и ждала когда она уйдетъ изъ дѣтской! Наконецъ, я усѣлась на низенькій стульчикъ возлѣ „бабы“ опираясь локтями въ ея колѣна.

— Баба! начала я поспѣшно, едва переводя духъ,—я видѣла въ церкви Филиппушку! Ты знаешь Филиппушку?

— Это какого, душенька, странника-то? Еще новость!

— Какъ странника? Чтò это значитъ странникъ? Маменька и няня говорили что онъ блаженный? Чтò это такое блаженный? засыпала я бабу вопросами.

— Странствуетъ, душенька, Богу молиться ходитъ по монастырямъ.

— Онъ святой?

— Говорятъ, святой жизни.

— А зачѣмъ на немъ цѣпи и кресты отъ которыхъ ему больно?

— Спасается, душенька.

— Какъ спасается, баба?

— Душу спасаетъ.

— А ты баба, спасаешься?

— Гдѣ ужь намъ грѣшнымъ, душенька, спасаться?

— Такъ, значитъ, Филиппушка пойдетъ въ рай, а ты въ адъ?

— Воля Божія, душенька!

Лицо бабы приняло озабоченное грустное выраженіе. Нѣтъ! этого я не могла никакъ понять! Моя баба не могла идти въ адъ! Противъ этого я возмущалась!

— Такъ развѣ только тѣ пойдутъ въ рай которые надѣнутъ тяжелыя цѣпи и кресты? спросила я.

— Господь знаетъ, душенька, Его святая воля!

— А вотъ Алферъ, садовникъ, вспомнила я,—умеръ недавно, помнишь его? Онъ куда? Тоже въ адъ пошелъ?

— Господь милостивъ! Онъ человѣкъ былъ смирный, опять же болѣлъ долго.

— Значитъ, если онъ болѣлъ, такъ ужь не надо цѣпи и кресты?

— Тоже страдалъ, значитъ, человѣкъ!

Я начинала чуточку понимать!

— Такъ за грѣхи это баба?

— За грѣхи, душенька! Болѣзнь Господь безпремѣнно за грѣхи посылаетъ.

— А если нѣтъ, значитъ, человѣкъ долженъ самъ себѣ больно дѣлать? воскликнула я съ радостію, я наконецъ поняла!

— Авось, душенька, Господь милосердый на томъ свѣтѣ помилуетъ, Царь Небесный, если человѣкъ отмаится въ жизни.

И баба глубоко вздохнула. Но я вдругъ вспомнила то что̀ было еще непонятно.

— Отчего же няня сказала про Филиппушку что онъ тѣло смиряетъ?

— Ну, что̀ жь, душенька, такъ и есть. Смиряетъ тѣло, оно ужь, значитъ, и станетъ смирное.

Это было совсѣмъ непонятно!

— Чтобы не грѣшило! добавила баба.

— Развѣ тѣло грѣшитъ? спросила я.

— А что жь? и тѣломъ и душой грѣшны.

Я подумала.

— А когда я капризничаю? (это былъ мой главный грѣхъ) Грѣхъ капризничать?

— Грѣхъ, душенька, конечно. И маменьку огорчаете и сестрицъ.

— А развѣ тѣло грѣшитъ?

— И душой и тѣломъ, всѣмъ виноваты.

Это сложное понятіе не стало мнѣ ясно; одно только уяснилось что если „сдѣлать больно тѣлу“, то оно станетъ „смирное“ и не будетъ больше грѣшить, и если себя наказать, то Богъ не накажетъ. Мнѣ было въ это время шесть лѣтъ, я знала что черезъ годъ я буду говѣть и много объ этомъ думала. Я ужасно боялась исповѣдоваться! Конечно, было страшно что надо во всемъ признаться священнику, и стыдно сказать что я такая большая, часто капризничаю, и я боялась что какъ только я скажу, Богъ меня тотчасъ же накажетъ! Я много думала о томъ какъ бы за этотъ годъ который оставался до говѣнія непремѣнно отвыкнуть капризничать чтобы не надо было въ этомъ признаваться на исповѣди! Удивительная мысль осѣнила меня теперь! Я рѣшила что надо попробовать „сдѣлать себѣ больно“ чтобы тѣло стало „смирное“ и больше не грѣшило. Я думала что результатъ долженъ непремѣнно быть чудодѣйственный тотчасъ же. Долго я придумывала и придумала! Я какъ-то ухитрилась утащить съ письменнаго стола у маменьки кусочекъ краснаго сургуча, и вечеромъ улучивъ минутку, когда няня была занята разборкой бѣлья въ другомъ концѣ комнаты, я растопила на свѣчкѣ кончикъ сургуча и капнула себѣ имъ въ ладонь лѣвой руки. Я даже не ожидала что будетъ такъ больно! У меня слезы брызнули изъ глазъ! Удивляюсь однако своей стойкости: я не вскрикнула! Крѣпко зажавъ въ кулакъ руку и стиснувъ зубы, я, помню, простояла такъ нѣсколько секундъ. Когда я рѣшилась посмотрѣть на свою ладонь и хотѣла отлѣпить кусочекъ сургуча приставшій къ кожѣ, то оказалось что подъ сургучемъ пузырь, и я содрала кожу вмѣстѣ съ каплей сургуча. Весь вечеръ мнѣ было очень больно, и я держала руку крѣпко зажатой въ кулакъ. На разспросы няни: что̀ у меня въ рукѣ? я, конечно, не призналась. Но всего хуже было то что не-

медленнаго „усмиренія тѣла“ и избавленія отъ грѣховъ, какъ я надѣялась, совсѣмъ не послѣдовало! Увы! Вечеромъ когда няня меня умывала передъ сномъ и захотѣла разжать мою руку чтобы намылить, я не согласилась; няня, не подозрѣвая что у меня на ладони „рана“, какъ я мысленно выражалась, нѣсколько неосторожно взяла меня за руку, я заплакала; няня сказала недовольнымъ голосомъ: „Ну, начинается у насъ капризъ!“ Ея несправедливость меня заставила еще болѣе плакать, и „капризъ“, дѣйствительно, разыгрался! И руку-то было больно: мыло очень щипало! И няня была несправедлива, а главное: разочарованіе мое было полное! „Тѣло не усмирилось,“ а продолжало грѣшить! Почему же Филиппушкѣ помогали вериги, а мнѣ нѣтъ? Что̀ жь послѣ этого дѣлать оставалось...

Кн. Е. Львова.

